

РАСШИРЕНИЕ ГРАНИЦ

П. Сален

Вернуться к капитализму, чтобы избежать кризисов¹

САЛЕН Паскаль (Salin, Pascal) — профессор экономики Университета Париж-Дофин.
Адрес: Франция, Париж 75775 Cedex 16, площадь им. Генерала Жана де Латтр де Тассиньи.

Email: Pascal.SALIN@dauphine.fr

Перевод с франц. Дмитрия Кралечкина.

Публикуется с разрешения Издательства Института им. Е. Гайдара.

В книге «Вернуться к капитализму, чтобы избежать кризисов» («Revenir au capitalisme pour éviter les crises») П. Сален, профессор экономики Университета Париж-Дофин, на примере кризиса 2007–2009 гг. делает более общий анализ финансово-экономических кризисов. Цель автора — убедить читателей в наличии в арсенале экономистов надёжных теоретических инструментов, позволяющих понять экономические кризисы современного мира. Основным аргументом автора является то, что именно государственное вмешательство спровоцировало данный финансовый кризис, а поэтому выход из него следует искать в правильной работе рынков.

Журнал «Экономическая социология» публикует «Заключение. В чём “мораль”?» («Conclusion. Que faut-il “moraliser”») из книги П. Салена. В нём автор ставит проблему нарушения принципов морали, приводящего к кризисам капиталистических систем. Для понимания обозначенной проблемы П. Сален рассматривает различные виды этики, обсуждает вопросы нравственности капитализма как такового, рассуждает о том, насколько правомерно утверждать, что причины финансового кризиса 2007–2009 гг. находятся в сфере этического кризиса, а также приходит к выводу, что основным источником аморальности является государственное вмешательство.

Ключевые слова: финансовый кризис; мораль; этика; капитализм; рынок; государство.

Заключение. В чём «мораль»?

Обычно допускается, что кризис² является следствием этических прегрешений со стороны банкиров, поскольку эти последние доказали свою бессмысленную алчность. Желание обогатиться якобы побудило их пойти на чрезмерные риски, дабы получить астрономические бонусы, обоснованные значительным объёмом операций. Но эти индивидуальные прибыли, раз они спровоцировали кризис, были результатом пренебрежения общими интересами. Таким образом, мы приходим к чёткому различию между жертвами — безработными, семьями, лишившимися в США своих домов,

¹ *Источник:* Сален П. (готовится к изданию). *Вернуться к капитализму, чтобы избежать кризисов*. М.: Институт Гайдара. Перев. с франц.: Salin P. 2010. *Revenir au capitalisme pour éviter les crises*. Paris: Odile Jacob.

² Н. Сален на примере мирового кризиса 2007–2009 гг. делает общий анализ финансово-экономических кризисов. — *Примеч. ред.*

пострадавшими профессиями — и бессердечными банкирами, которые за их счёт заработали огромные прибыли. И следует неприменный вывод: поскольку банкиры сами не способны ограничить себя в стремлении к прибыли, не готовы подчиниться принципам морали, необходимо, чтобы эти границы ввело государство, то есть стало бы в определённом смысле гарантом публичной морали. Для всех тех, кто ненавидит капитализм, кризис стал прекрасной иллюстрацией мысли, которой они руководствуются: индивидуальное стремление к прибыли не обеспечивает общественной гармонии и противоречит общим интересам. Это распространённое рассуждение ещё больше приветствуется потому, что кажется основанным на защите нравственных принципов. Но следует прояснить критерии моральности, прежде чем пытаться оценивать моральный или аморальный характер какого-то конкретного действия или общественной ситуации.

Этика универсальная и персональная

Различие, которое можно провести между универсальной этикой и персональной, важно, если мы хотим избежать произвольных и спорных суждений. Универсальная этика — это та, которая потенциально может быть принята всеми людьми безо всякого риска противоречий³. В той мере, в какой речь идёт о теоретической возможности, а недействительном осуществлении, более верно было бы, впрочем, говорить об *универсализируемой* этике, а не об универсальной. Определить этику — значит обозначить принципы, которым индивиды должны свободно подчиняться, если они обладают достаточным нравственным сознанием. Иными словами, определить универсальную этику — значит установить обязанности нравственного толка, которые вменяются всем людям на земле. Но на самом деле существует лишь один тип *универсальной* обязанности: уважение индивидуальных прав, то есть уважение, с которым индивид должен относиться к правам на жизнь, физическую неприкосновенность и законную собственность других индивидов, кем бы они ни были и где бы ни находились.

В мире, в котором законные права каждого были бы верно определены и уважались⁴, не было бы противоречий между действиями разных индивидов: каждый знал бы пределы собственных действий и соблюдал их. Общество, полностью признающее эти принципы, было бы, очевидно, мирным и гармоничным. В частности, в нём не было бы конфликтов, связанных с использованием каждого из благ, поскольку законное присвоение благ определяло бы границу между теми, кто может их использовать, и теми, кто исключён из сферы такого использования.

Но при этом персональных этик существует столько же, сколько отдельных людей, и ни одна из них не может быть обобщена, то есть универсализирована. Так, у каждого из нас есть особая концепция того уровня альтруизма или эгоизма, который он считает оправданным. Одни решают, что моральный долг — проявление щедрости, но поскольку невозможно быть щедрым со всеми, необходимо положить какие-то пределы этому долгу щедрости, и каждый будет произвольным образом решать, какие именно пределы он будет соблюдать. Другие, возможно, сочтут, что прежде всего есть обязанности по отношению к себе, а потому по отношению к другим следует придерживаться эгоистической позиции. Ну а третьи, не исключено, хотели бы быть щедрыми, однако они боятся того, что щедрость подтолкнёт выгодополучателей к лени, а потому они решают, что их моральный долг — прививать другим дисциплину труда. Очевидно, невозможно примирить все эти различные взгляды на моральные обязанности. Если же возникает желание утвердить и навязать один из них политическими средствами, силой государственного принуждения, обязательно возникнет противоречие, поскольку господство какой-то одной персональной морали над всеми остальными достигается в этом случае пренебрежением уни-

³ Это понятие универсальной этики можно сблизить с категорическим императивом Канта, который определяет общий принцип нравственного действия и применим ко всем людям.

⁴ О законном характере прав собственности см. вторую часть нашей работы о либерализме: [Salin 2000].

версальной этикой. Собственно, это и происходит при политике перераспределения, которая не может не посягать на законные права налогоплательщиков, коих обязали финансировать выплаты, не обязательно соответствующие их собственной персональной морали. Напротив, частная и добровольная благотворительность, очевидно, совместима и с персональной моралью, и с универсальной.

Конечно, персональные морали можно считать вполне достойными уважения, и универсальная этика действительно предполагает такое уважение при условии, что их осуществление не сопровождается посягательством на универсальную этику. С этой точки зрения, однако, можно сказать, что действительно либеральная позиция ведёт к значительной терпимости по отношению к персональным моральям, поскольку, в конечном счёте, следует запретить себе выносить ценностные суждения о поступках других, даже если они противоречат вашей собственной персональной морали, при условии, что ими не нарушаются права других людей. Но, с другой стороны, в области универсальной морали любые компромиссы неприемлемы.

Используя этот инструмент анализа, мы можем попытаться оценить, в какой мере финансовый кризис является следствием или же свидетельством моральных установок. Но прежде нужно уточнить, что же понимается под капитализмом, поскольку нам надо выяснить, в какой мере кризис мог быть спровоцирован аморальными видами поведения, свойственными капитализму.

Моральность капитализма

В капиталистической системе ресурсы, которыми обладает индивид, получены им благодаря его собственным усилиям, а не за счёт применения того или иного принуждения, будь оно правовым или нет. Так, собственником какой-либо вещи можно стать, если она была создана собственником⁵, получена в рамках свободной торговли или от предыдущего собственника. Вот почему капиталистическую систему допустимо определить как систему законных прав собственности.

Следовательно, не будет ошибкой сразу же признать то, что капитализм — это общественная система, которая отвечает требованиям универсальной морали. Позволительно даже сказать, что капитализм — это единственная общественная система, совместимая с универсальной моралью, то есть единственная система, обладающая бесспорным нравственным основанием. Капитализм основан на уважении законных прав собственности, на уважении договора и свободной торговли. Конечно, в капиталистической системе могут мирно присутствовать многие персональные морали, но ни одна из них не навязывается остальным. Так, могут существовать весьма эгоистические капиталисты и в то же время весьма альтруистические, но это несколько не меняет глубоко морального характера капитализма.

Следовательно, было бы априори странно, если бы капитализм мог привести к таким формам поведения, которые было бы уместно считать аморальными, а финансовый кризис стал их последствием.

Кризис и моральность

Теперь у нас есть возможность оценить то, в какой мере финансово-экономический кризис является, по существу, кризисом этическим, а это, в свою очередь, должно позволить нам определить средства, благодаря которым в случае необходимости можно было бы снова поставить финансово-экономическую деятельность на подлинные нравственные основания. Для этого достаточно выяснить, в какой мере этические принципы, только что нами обозначенные, позволяют дать моральную оценку поведению заинтересованных лиц, учитывая экономический и институциональный анализ, проведённый нами ранее.

⁵ Об отношении между актом создания и законностью права собственности см. вторую часть нашей работы о либерализме: [Salin 2000].

Как теперь уже известно, неверно было бы объяснять кризис 2007–2009 гг. бездумным стремлением к получению прибыли. Вернёмся ещё раз к различным факторам кризиса, которые мы выделили ранее.

В наше время именно официальные власти определяют рост денежной массы, задавая одновременно процентную ставку и рост кредитов. Не всегда было так, поскольку формирование центральных банков (в XIX и XX веках) в масштабах истории сравнительно недавнее явление. Попробуем на мгновение переместиться в предшествующий этому период. Используя тогда деньги состояли, в частности, из монет, стоимость которых определялась соответствующей ценой металла на рынке. Что касается банковских билетов, то они первоначально покрывались гарантией конвертируемости по устойчивому курсу в металлические монеты, например в золотые. Такие билеты выпускались частными банками, обещавшими их обладателям, что смогут выкупить их в любой момент, отдав взамен то количество металла, которое позволило их купить⁶. Производство денег вытекало, соответственно, из заключения контрактных договорённостей между банкиром, выпускающим билеты, и его клиентом — пользователем этих билетов. Предположим, например, что какой-то банк выпустил билет стоимостью в один грамм золота. Представим теперь, что он говорит обладателю этого билета, когда тот возвращается в банк с целью продать свой билет за золото, что даст за него не один грамм золота (который является первоначально установленной ценой), а только полграмма. Это, очевидно, нарушение контракта и даже, говоря точнее, кража. В цивилизованном обществе, то есть в капиталистическом обществе, в котором права каждого ясно определены и защищены, банк, скорее всего, будут преследовать в судебном порядке за кражу. В любом подобном случае он, очевидно, потерял бы всех своих клиентов и обанкротился. Вот почему в системе такого типа собственники банков, то есть капиталисты, ведут себя ответственно. Чтобы не допустить банкротства из-за неспособности сдержать свои обещания по оплате банковских билетов золотом, банки будут избегать слишком большой — в сравнении с золотыми запасами, переданными им, — эмиссии этих билетов. Действительно, у банкира всегда есть возможность выпустить деньги не под золото, а под долговую расписку, выдаваемую выгодополучателем кредита. У банкира может быть искушение пойти на это, сохраняя также гарантию конвертируемости в золото всех продаваемых им банковских билетов по фиксированному курсу, чтобы увеличить свою прибыль благодаря процентам, получаемым по выданным кредитам (так называемая система частичного банковского резервирования, при которой резервы золота представляют лишь часть общей суммы выпущенных билетов). Но он побоится слишком далеко заходить в данной политике умножения денежных знаков, поскольку есть риск столкнуться со слишком значительными требованиями заплатить золотом, а потому и риск банкротства. Подобная система, опирающаяся на ответственное поведение собственников-капиталистов, является одновременно хорошо функционирующей, поскольку избегает избыточного создания денег, и глубоко моральной, поскольку требует уважения к правам каждого и выполнения контрактных обязательств. В данном случае мы видим иллюстрацию того факта, что капитализм — система одновременно саморегулируемая и моральная.

Но как работают современные денежные системы? Некоторое время в государствах поддерживалась фикция конвертируемости в золото валют, выпускаемых под контролем центральных банков. Но удивительно то, что финансовые власти занимались чрезмерным расширением денежной массы и, в конце концов, решились на несколько девальваций, то есть сделали именно то, что мы назвали кражей (так это и именовалось бы, если бы подобную операцию провёл какой-нибудь частный банкир)! Девальвация — это кража, поскольку она сводится к тому, что обладателям денег не даётся то количество золота (или серебра), которое было им обещано. Девальвация, следовательно, есть посягательство на универсальную этику.

Но в наше время правительства пошли намного дальше. В самом деле, государственные финансовые органы в конце концов отменили всякую гарантию конвертируемости. Чаще всего они просто вводят

⁶ См. нашу работу «La Vérité sur la monnaie» («Правда о деньгах»): [Salin 1990].

денежную монополию, обязывая граждан пользоваться валютой, которую они контролируют, какой бы плохой она ни была. Это называется «форсированный курс», при котором ни у кого нет права предлагать или использовать валюту, отличную от той, что выпускается на данной территории под контролем центрального банка. И, как обычно, государство не подчиняется нормальным правилам цивилизованного общества. Оно присваивает право действовать по собственному почину и манипулировать созданием денег или процентной ставкой, как ему вздумается. Не принимая на себя никаких обязательств по отношению к гражданам, государство, соответственно, не может и нарушить своих обязательств! В этом смысле, когда проводится чрезмерно экспансионистская денежная политика, нельзя сказать, что происходит посягательство на универсальную этику. Однако причина исключительно в том, что государство попросту ничего не знает об универсальной этике. Оно принуждает нас жить в мире без морали. И финансовый кризис — это последствие такой нехватки моральности.

В целом кризис 2007–2009 гг. был результатом множества иллюзий, а также, возможно, лжи. Прежде всего была иллюзия, порождаемая государственными финансовыми органами, которые внушили всем мысль о том, что допустимо бесконечно долго финансироваться по низкой цене; были также иллюзии, вызванные жилищной политикой, вследствие чего заёмщики решили, что смогут легко расплатиться по долгам и цена их жилья будет постоянно расти; ещё иллюзии создавали рейтинговые агентства и организации, выпускающие секьюритизированные долговые обязательства (и другие сложные продукты) и говорившие о том, что риски этих ценных бумаг верно оценены; иллюзии, спровоцированные экспертами банков, которые заставили думать, что их математические модели правильно отображают реальность и потенциальные риски; иллюзии порождали также законодатели и регуляторы, заверявшие, что рынки под контролем. В результате искусственной эйфории от всех этих отражающихся друг в друге иллюзий у любого участника рынка возникало искушение вступить в игру. Так, заёмщиков, взявших ипотеки, общая атмосфера побуждала скрывать своё истинное финансовое положение, чтобы было ещё легче получить кредит. И они были готовы соврать ещё и потому, что недавно введённые в США правила запрещали банкирам требовать подтверждения их положения (например, суммы дохода), хотя это, разумеется, нисколько не оправдывает их поведения.

О чём бы ни шла речь — о создании иллюзий или о простой лжи, нельзя сказать, что было совершено посягательство на права индивидов, и, с этой точки зрения, универсальная этика была соблюдена. Действительно, никто не обязан верить иллюзиям и лжи, и никто не может, следовательно, заявить, что его фундаментальные права были нарушены. Иными словами, ни у кого нет права на истину. Но, конечно, каждый из нас волен использовать критерии своей собственной персональной морали при вынесении суждения о поведении того или иного протагониста кризиса. Собственно, мы видели, сколько было обвинений, нападков на «жадных» банкиров или же критики предположительной аморальности получателей бонусов и опционов. Всё это — один из аспектов нормальной жизни общественного мнения, даже если и можно мечтать о мире, в котором каждый воздерживался бы от суждений о других, пока соблюдаются права всех, и где, вероятно, попытались бы создать институциональные условия, позволяющие лучше предупреждать формы поведения, считающиеся девиантными. Однако, едва подавившись страсти ценностных суждений, мы рискуем принудительно (говоря точнее, силой закона) навязать те формы поведения, которые соответствуют желаемому образцу. А такое принуждение, со своей стороны, грозит стать уже реальным посягательством на индивидуальные права.

Возьмём, к примеру, случай бонусов, считающихся «чрезмерными». Представляют ли они собой аморальную конфискацию ресурсов других в пользу их получателей? Конечно, нет. Естественно, они уменьшают дивиденды, выплачиваемые акционерам. Но, как мы знаем, такие бонусы могут считаться инструментом стимулирования, позволяющим акционерам добиваться гораздо более высоких прибылей, чем стоимость выплаченных бонусов. Так или иначе, определение бонусов — это вопрос договора между собственниками банка и менеджерами, которые получают эти бонусы. Если у акционеров есть

возможность самостоятельно определять сумму бонусов, эти последние, очевидно, не представляют собой аморальный отъём ресурсов. Что касается мелких акционеров, не способных контролировать банк, акционерами которого являются, им отлично известно об отсутствии у них каких-либо средств контроля и рискованности их прав собственности. Никто не заставлял их покупать акции, завязанные на определённый институциональный контекст. Следовательно, они могут обижаться только на самих себя, если впоследствии решат, что менеджеры выписали себе слишком большие по отношению к принесённым им прибылям бонусы.

Менеджеры получили значительное вознаграждение, поскольку шли на существенные риски. Но они не нарушили границ своих контрактов. Конечно, акционеры стали их первыми жертвами, но им нужно было просто лучше контролировать своих менеджеров, заключать другие контракты или иначе вкладывать свои средства.

Можно также упрекнуть менеджеров в том, что они специально продавали сложные финансовые продукты, сути которых на самом деле никто не понимал, например, секьюритизированные продукты и деривативы (они не аннулируют риски, а просто переносят их).

Возможно, в чрезмерном доверии моделям и компетенции других заключена интеллектуальная ошибка, а не моральная. Модели строятся на гипотезах о рисках, которые подвергаются вероятностной оценке, тогда как крупные риски, проявившие себя по время кризиса, это риски большого масштаба, которые сложно подсчитать в рамках теории вероятности. С этой точки зрения, операторы позабыли о такой добродетели, как осторожность. Но совершить ошибки ещё не значит допустить нравственный проступок. Капиталисты ошиблись в том, что поверили менеджерам и специалистам, слепо полагаясь на их знания, а менеджеры впали в грех гордыни: они думали, будто понимали то, чего на самом деле не понимали. Но гордыня есть грех, а не моральный проступок. Мы не можем упрекнуть в неэтичности людей, которым мы слишком доверяли, хотя это доверие и не было ничем оправдано. Такие ситуации были вызваны сочетанием неосторожности и гордыни, которые являются недостатками характера или даже грехами, но не моральными проступками.

Капиталисты, испытывающие на себе последствия кризиса, являются, таким образом, жертвами не моральных проступков, а нехватки определённых добродетелей (и также, вероятно, пренебрежения некоторыми принципами профессиональной этики, требующими, к примеру, большей открытости и прозрачности в делах, а также лучшего понимания рискованности своих поступков).

Наконец, существует «побочные жертвы» кризиса, то есть все те, кто испытывает на себе внешние негативные последствия, например, наёмные работники, потерявшие своё рабочее место, торговцы, чей оборот сокращается, мелкие акционеры, которые видят, что их активы падают в цене (хотя, возможно, и временно). Конечно, все эти ситуации печальны, однако их нельзя рассматривать в качестве результата посягательств на законные права. Так, если предприятие банкротится, его кредиторы терпят убытки, наёмные сотрудники перестают получать обещанную заработную плату (внешнее негативное последствие), но они не стали жертвами кражи. В человеческом обществе все люди зависят друг от друга, что порождает бесконечное число внешних позитивных или негативных последствий. Такие последствия неизбежны, однако не имеют ничего общего с проблемой морали. Они возникают даже в том случае, когда универсальная этика полностью и досконально соблюдается. Следовательно, не предполагают чьей бы то ни было ответственности и не дают права на то или иное возмещение причинённого ущерба.

Таким образом, нельзя сказать, что кризис был результатом аморальных поступков определённых лиц. Каждый действовал в рамках конкретного институционального контекста (он включает в том числе и

произвольную денежную политику, которая ведёт к дестабилизации, а потому аморальна), и каждый пытался воспользоваться предлагавшимися ему возможностями. У нас есть право ужаснуться невоздержанности некоторых людей, стремившихся к прибыли, но точно так же у нас есть право считать эти прибыли наградой за талант и усилия. Однако, вместо того чтобы пытаться навязывать своё представление о морали, стоило бы создать более качественные институциональные условия, например, те, что позволили бы акционерам лучше контролировать предприятия или предоставили держателям валюты гарантии её конвертируемости.

Впрочем, посягательства на универсальную этику в ситуации кризиса действительно имели место, но речь идёт совсем не о тех видах поведения, которые политики и средства массовой информации любят выдавать за аморальные, поскольку аморальны только акты принуждения, например, совершаемые государственными деятелями. Таков прежде всего случай законов и правил, навязывающих денежную монополию и, следовательно, выводящих личную ответственность за пределы функционирования денежных систем. Запрещая кому бы то ни было производить или использовать валюту, отличную от контролируемой центральным банком, представители государства посягают на свободу производства и приобретения.

В то же время, вводя новые налоги (или же набирая займы, которые придётся оплачивать в будущем за счёт новых налогов) для спасения банков от банкротства или для финансирования собственных планов по так называемому оживлению экономики, официальные власти принудительно изымают ресурсы, законно принадлежащие налогоплательщикам, и, таким образом, грубо нарушают их права. Мы выяснили, что *аморально не поведение менеджеров, которое привело к банкротству (поскольку банкротство — это наказание за ошибки). Аморально то, что государство использует силу принуждения, чтобы украсть ресурсы у налогоплательщиков, которые не отвечают за ошибки, совершенные государственными властями, банкирами или их наёмными сотрудниками.* Так что в целом, если играешь по правилам капиталистической системы, мораль соблюдается. Но с того момента, как в дело вступает государство, мы попадаем в область аморальности, поскольку это сфера принуждения, позволяющего нарушать законные права других. И кризис — кричащее тому подтверждение.

Литература

Salin P. 1990. *La Vérité sur la monnaie*. Paris: Odile Jacob.

Salin P. 2000. *Libéralisme*. Paris: Odile Jacob.

BEYOND THE BORDERS

Pascal Salin

Returning to Capitalism in Order to Escape Crises

SALIN, Pascal —
Professor of Economics
at Université Paris-
Dauphine.
Address: Place du
Maréchal de Lattre de
Tassigny, 75775 PARIS
Cedex 16, France.

Email: Pascal.SALIN@dauphine.fr

Abstract

In the book “Returning to Capitalism in order to Escape Crises” (“Revenir au capitalisme pour éviter les crises”) P. Salin, professor of Economics at University Paris-Dauphine, provides his analysis of the 2007–2009 financial crisis with the purpose to develop general conceptualization of financial and economic crises. The author aims to convince the readers that economists have all necessary and reliable theoretical tools to deal with economic crises in the contemporary world. His main argument is that the state interventionism brought out the financial crisis. That’s why a solution should be sought in the proper functioning of markets.

Journal of Economic Sociology publishes the book’s “Conclusion. What is ‘moral’?” It discusses a breach of moral principles resulting in crises of capitalistic systems. For better understanding this, Salin considers different types of ethics, discusses issues of morality of capitalism per se, and conceptualizes whether it is adequate to claim that the 2007–2009 financial crisis was rooted into ethical one. In addition, the author concludes that the state interventionism appears to be the main resource for amorality.

Keywords: financial crisis; moral; ethics of capitalism; market; state; state intervention.

References

Salin P. (1990) *La Vérité sur la monnaie* [The Truth about Money], Paris: Odile Jacob (in French).

Salin P. (2000) *Libéralisme* [Liberalism], Paris: Odile Jacob (in French).

Received: April 28, 2014.

Citation: Salin P. (2014) Vernut'sya k kapitalizmu, chtoby izbezhat' krizisov [Returning to Capitalism in order to Escape Crises (an excerpt)], *Ekonomicheskaya sotsiologiya = Journal of Economic Sociology*, vol. 15, no 4, pp. 45–52 (in Russian).